

Издание подготовлено при поддержке
Фонда «Связь Эпох»

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ГЛАЗАМИ ГЕНЕРАЛА РЕРБЕРГА

Рерберг Ф. П.

P42 Всё в прошлом : Воспоминания. 1868–1910 / отв. ред. С. В. Алексеев, предисл. К. А. Залесского, примеч. К. А. Залесского, А. А. Лиманова. — М. : Кучково поле, 2018. — 352 с. ; 4 л. ил. — (Живая история)

ISBN 978-5-9950-0774-6

Первая книга воспоминаний Федора Петровича Рерберга (1868–1928) «Всё в прошлом» представляет собой ценнейший источник по истории вооруженных сил дореволюционной России. Потомственный военный, Рерберг проходил обучение в привилегированном Пажеском корпусе, затем попал в лейб-гвардии Семеновский полк, один из первых гвардейских полков России. Из первых уст читатель узнает о том, как жила «белая кость» российской императорской армии.

Несмотря на то, что автор писал свои воспоминания уже в достаточно зрелом возрасте, в его памяти сохранилось множество деталей и самых мелких подробностей. Каждому из персонажей автор старается дать характеристику, передать, если это возможно, его биографию. Повествование отличается ясным, непринужденным стилем, а язык мемуариста кажется настолько простым, что читатель сможет ощутить себя современником описываемых событий.

Издание будет интересно как исследователям, так и широкому кругу читателей.

Благодарим И. В. Домнина и Ф. А. Гущина за помощь
в подготовке издания

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-9950-0774-6

© Дом русского зарубежья имени
Александра Солженицына, 2018
© Залесский К. А., предисл.,
примеч., 2018
© Лиманов А. А., примеч., 2018
© ООО «Кучково поле», макет,
издание, 2018

Многие офицеры русской армии, не говоря уже о генералах, оказавшись на чужбине волею судеб, оставили после себя мемуары. Так получилось, что большинство из них оказалось в эмиграции не у дел: профессии, которая была бы востребована на новой родине, у них не было, а следовательно, появилось время, чтобы осмыслить все произошедшее и, конечно же, передать свой опыт, рассказать о своей жизни детям. Все эти мемуары интересны, но особого внимания заслуживают те, что были написаны офицерами и генералами Генерального штаба — элитой русской армии, наиболее образованными представителями русского офицерского корпуса, которых учили не просто командовать, но планировать, оценивать, анализировать. Таковы и представленные мемуары — в данном издании воспроизведена их первая часть — генерал-майора Генерального штаба Федора Петровича Рерберга. Они интересны тем, что автор старается как можно точнее описать происшедшее, иногда увлекаясь мелкими деталями, которые тем не менее, складываясь, как мозаика, в единую картину, дают возможность представить себе не только события всероссийского масштаба, свидетелем которых был автор, не только оценить военную составляющую, но и погрузиться в атмосферу, окружавшую русского офицера последнего царствования.

Род Рербергов

Федор Петрович Рерберг был типичным представителем русского служилого дворянства конца XIX–XX века. С одной стороны он выводил свой род от шведов, в русском дворянстве всегда считалось «приличным» иметь предком не отечественного славянина, а иностранца. На самом деле, и это отмечает в своей книге сам автор, шведские корни Рербергов (или, если исходить из немецкого написания их фамилии — *Röhrberg* или *Roehrberg* — Рёрбергов) каких-либо документальных подтверждений не имеют — это семейная легенда, пусть и официально закреплённая. Возможно, именно поэтому, рассказывая о своих предках, автор значительно больше внимания уделяет роду своей матери — Герсевановым.

Как бы то ни было, первым известным представителем семьи Рербергов стал родившийся в Ревеле в 1763 году Иоганн (Иван Иванович) Рерберг, от него, собственно, и пошел дворянский род, который, как пишет автор, был единственным в России, то есть все Рерберги — потомки ревельского уроженца. Иван Иванович покинул Ревель и перебрался в расположенный не столь уж далеко Новгород, где он долгие годы директорствовал на канатной фабрике Морского ведомства и дослужился до статского советника. От брака с Агнетой Элизабет Лорентцен он имел пять сыновей: Христофора, Фридриха Германа, Егора (Георга), Вольдемара и Александра. Представители второго поколения дворян Рербергов заложили фундамент будущего благополучия семьи: трое из них завершили карьеру в генеральских званиях. Егор и Александр стали генерал-лейтенантами, а Фридрих Герман (Федор Иванович) — инженер-генералом. Последний и был дедом нашего героя.

На самом деле Федор Иванович Рерберг не был военным — он всю жизнь прослужил по корпусу инженеров путей сообщения, который имел военное устройство, а его чины носили военные звания. Федор родился в Ревеле 21 ноября 1791 года, окончил местную гимназию и поступил в Училище корабельной архитектуры в Петербурге, откуда в 1810 году перешел в только что открытый Институт инженеров путей сообщения. Свой первый чин — прапорщика — он получил 12 июня 1811 года, а его успехи были оценены столь высо-

ко, что на первых порах его даже оставили в институте преподавателем. Дальнейшая карьера деда нашего героя шла успешно, без особых взлетов, но и без падений. Он занимался строительством, заседал во всевозможных советах и комиссиях, приобрел репутацию знающего инженера, заняв наконец пост директора Департамента искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Венцом карьеры Федора Рерберга стало назначение 1 января 1859 года к присутствию в Правительствующий сенат, к тому времени он был уже генерал-лейтенантом (произведен приказом от 21 апреля 1847 года). Это был закономерный финал успешной, но не блестящей карьеры. Поэтому особой удачей стало то, что он был 8 ноября 1868 года произведен в инженер-генералы, хотя обычно сенаторы завершали службу в чинах 3-го класса. Федор Иванович скончался 5 мая 1871 года и был погребен на Волковом лютеранском кладбище. Он был женат дважды: его первая супруга Юлия (родившаяся 10 сентября 1794 года) прожила всего 30 лет и скончалась 16 сентября 1824 года, подарив мужу всего одну дочь — также Юлию (13 декабря 1820 — 22 октября 1843), так и не вышедшую замуж и скончавшуюся в 23 года девицей. Зато второй брак Рерберга с дочерью действительного статского советника Елизаветой Богдановной фон Танненберг (1797 — 9 января 1875) принес многочисленное потомство. У супругов родилось трое дочерей и шесть сыновей, причем дважды Елизавета Богдановна рожала близнецов:

- Екатерина (31 октября 1826 — 3 марта 1882, Петербург), вышедшая замуж за Константина Христофоровича Эллермана (умер 14 ноября 1894), закончившего карьеру генерал-лейтенантом;
- Наталья (31 октября 1826 — 1870), вышедшая замуж за капитана 2-го ранга Александра Яковлевича Хоменко;
- Федор (3 сентября 1827 — 18 мая 1905), женатый на Марине Анисимовне (умершей 25 июля 1893);
- Елизавета (28 августа 1828 — 12 апреля 1861), вышедшая замуж за Михаила фон Штегмана (6 марта 1828 — 16 ноября 1872);
- Николай (28 августа 1828 — 1 июня 1898);

было минимальным, и теперь читатель может ознакомиться исключительно с авторским текстом. Отдельные слова вставлены в машинопись от руки (в издании заключены в фигурные скобки), встречаются заметки на полях (поясняются в примечаниях). К первому тому Гернберг (он называет себя редактором) добавляет машинописный комментарий «Заветы пажам Пажеского Его Императорского Величества корпуса, взятые из девизов мальтийских рыцарей».

Для удобства читателя в настоящем издании текст воспоминаний Рерберга приведен к правилам современной орфографии и пунктуации, но с сохранением особенностей авторского языка и стиля.

Издание снабжено примечаниями и комментариями, а также аннотированным именованным указателем. В ряде случаев в авторский текст добавлены отдельные уточняющие и пояснительные слова, имена упоминаемых лиц и т. д. — в этом случае они заключены в квадратные скобки.

Константин Залесский

Всё в прошлом

Воспоминания

1868–1910

ГЛАВА 3

1-е Павловское училище и Пажеский Его Величества корпус

В те времена на Руси было корпусов — Пажеский Его Величества и пятнадцать кадетских.

По окончании курса кадетского корпуса кадеты направлялись:

- первые ученики и лучшие по баллам, и особенно по математике, в Михайловское артиллерийское и в Николаевское инженерное училища;
- генеральские сыновья хлопотали о зачислении кандидатами в Пажеский Его Величества корпус и стремились туда;
- лихие и беспечные головорезы и удалцы мчались в Николаевское кавалерийское училище;
- все прочие кадеты — золотая середина — направлялись в три пехотных училища: 1-е Павловское, 2-е Константиновское и 3-е Александровское.

Ко времени окончания мною корпуса кадетов — кандидатов в Пажеский корпус оказалось 19 человек, из них первый по среднему баллу был кадет Киевского корпуса Степан Кишинский, вторым, с 10,74 в среднем, был я,

свободных вакансий было две. На первую был принят Кишинский, а на вторую я не попал, так как независимо от баллов было получено приказание о предоставлении второй вакансии кадету Полтавского корпуса Борису Радецкому. Ничего этого мы не знали, сидя в деревне, где я проводил остаток лета.

31 августа мы с моей матерью выехали из деревни. 1 сентября были в Москве. Я в первый раз в жизни поднялся выше параллели Харькова. Москва показалась мне невообразимо большой, непонятной, запутанной. Остановились у тетки Александры Алексеевны Щербачевой, побывали у родственников — Рербергов. Через два дня поехали дальше.

Входя в вагоны курьерского поезда Николаевской железной дороги с вежливыми и воспитанными кондукторами, сразу почувствовал какой-то особый столичный дух порядка и официальности! На следующий день приехали в Петербург.

На Николаевском вокзале нас встретил наш друг — князь Путятин. Поехали прямо на квартиру, к дяде [Михаилу Николаевичу] Герсеванову.

После завтрака Путятин поехал в Пажеский корпус узнавать, когда и каким порядком надлежало меня доставить. Возвратился он очень скоро, объявив нам, что я в корпус не принят и что о моей судьбе в корпусе ничего не известно. Тотчас князь поехал в Главное управление военно-учебных заведений и привез нам ответ, что за неимением свободных вакансий в Пажеский корпус я зачислен в число юнкеров 1-го Павловского военного училища, куда и был отвезен князем 6 сентября, а 7-го приведен к присяге и зачислен юнкером 3-й роты.

Начальником училища состоял генерал-майор Акимов, маленький, худенький старичок, никакого значения, по моему мнению, не имевший; мне казалось, что училище стояло своими прочными традициями, а не приходящими людьми.

Командиром батальона был старого вида и закала, каких рисовали на картинках прежнего времени, полковник Щегловитов. Моим ротным командиром оказал-

ся пресимпатичный капитан Кутуков, а курсовым офицером — штабс-капитан Иван Иванович Флевицкий, на вид хотя и франт, и хлыщ, но, по существу, очень добрый человек.

Фельдфебелем у нас был прелестный юнкер Сысоев, перешедший на 3-й курс Инженерного училища и служивший впоследствии в саперных войсках. Отделенным портупей-юнкером был редко симпатичный человек, из болгар, Матвеев, уехавший вскоре в Болгарию. Моим инструктором был портупей-юнкер Ермаков, заносчивый и неприятно придирчивый. Впоследствии он вышел в императорские стрелки, но долго не служил, а ушел в запас и болтался по каким-то банкам. Рядом с моей койкой стояла койка ставшего потом знаменитым юнкера Александра Лукомского, из кадет Полтавского корпуса.

Со второго дня зачисления в училище началась «павловская» муштра. В те времена Павловское военное училище славилось на всю Россию своею необыкновенно строгой муштрой, напоминающей чуть ли не эпоху императора Павла I, слава училища страшила многих, и кадеты с неохотою шли в это училище, стараясь попасть в Константиновское, считавшееся более культурным и более либеральным. За Павловским училищем долго держалась такая слава.

Итак, на другой же день после поступления мы, юнкера младшего класса, зашагали по плацу, вытягивая носок, делали ружейные приемы по разделениям, как новобранцы, отдавали честь, маршировали, вздваивали и встраивали ряды до седьмого пота и т. д. Многие из моих товарищей сразу поприуныли, а я был в восторге: всегда наслаждался, видя бравого, вымуштрованного солдата, и самому хотелось быть таким же, почему с увлечением, чувством, толком и расстановкой воспринимал все приемы муштры и в первый же отпуск был уже уволен в город не в кадетском, а в форме юнкера, и — со штыком! Какое это было счастье — надеть высокие лакированные сапоги, серую солдатскую шинель, барашковую шапку набекрень, бляху с гренадерской гранатой и портупею со штыком!

Я так был счастлив, что, будучи этот вечер в отпуске с ночевкой в семье моего дядюшки, несмотря на предложение хозяек, не пожелал снять с себя портупею со штыком и поэтому первую ночь юнкерства даже спать лег не раздеваясь и не снимая штыка, так жалко было расставаться с вновь приобретенным высокопочетным правом ношения оружия. Но зато как на следующий день в столовое время утреннего кофе надо мной от души трунили и смеялись мой дядя, тетя и прелестные кузины!

Но недолго мне было суждено носить сие прелестное оружие. 12 сентября во время большой перемены в роту вошел капитан Кутуков и, подойдя ко мне, объявил, что только что из Главного управления военно-учебных заведений получилась бумага, что в Пажеском корпусе открылась вакансия, и так как из всех кандидатов по баллам я — старший, то мне предлагается перевод в Пажеский корпус. Я отказался. Капитан Кутуков очень удивился моему отказу и пожелал узнать причины моего отказа. Я ответил, что в училище мне понравилось, к товарищам я привык, в их среде чувствую себя превосходно и ничего лучшего не желаю.

Кутуков, для которого не была секретом слава суровых порядков училища, от которых большинство хотело бежать, был в восторге от моего ответа и пошел с докладом к командиру батальона. Приблизительно через час времени меня потребовал командир батальона полковник Щегловитов. Произошел почти такой же разговор, Щегловитов был также очень доволен, но счел своим долгом предупредить меня, что своим отказом я могу слишком много потерять для будущего, так как из Пажеского корпуса я смогу выйти в любой гвардейский полк, не только пехотный, но даже и кавалерийский, но даже и в гвардейскую артиллерию, а из училища при особенно счастливых обстоятельствах, может, удастся выйти в гвардейскую пехоту, но не в тот полк, в который пожелаешь, а в тот, где окажется свободная вакансия... Но решение этого жизненного вопроса выпало в тот период моей юности, когда в молодой душе не было никаких расчетов, связанных с карьерою, а в мыслях, в глубоких тай-

никах, скрывалось желание как можно скорее попасть на Кавказ, в Тифлис... А что влекло бывшего тифлисского кадета обратно в Тифлис, читатель, если желает, может и сам догадаться.

Итак, я отказался. Когда об этом необыкновенном случае доложили начальнику училища генерал-майору Акимову, то старик был очень доволен.

Но дело решилось совершенно иначе: пока мы — и мое начальство, и я — ломали эту ненужную комедию, совершенно упуская из вида, что у юнкера Рерберга существуют родители, главный начальник военно-учебных заведений генерал Махотин телеграфировал моему отцу в Одессу, где мой батюшка командовал VIII армейским корпусом, об освободившейся в корпусе вакансии с просьбою уведомить о его желании. Разумеется, что мой отец телеграфировал просьбу о переводе меня в Пажеский корпус, и 15 сентября утром в роту пришел капитан Кутуков, объявил мне о состоявшемся переводе, приказал мне немедленно уложиться, получить предписание и ехать в корпус. Пожелав мне всего наилучшего, он со мною попрощался и выразил сожаление, прибавив: «А я-то рассчитывал на вас как на будущего фельдфебеля!»

Получив необходимые бумаги и живо попрощавшись с товарищами, сел я на извозчика, и со своим скромным багажом, в форме юнкера Павловского училища и при штыке, потрясся я с Васильевского острова на Большую Садовую улицу.

Являясь дежурным офицерам в училище, вы всегда натывались на какую-то служебную напряженность, которая передавалась и юнкерам и заставляла их особенно тянуться. Когда я явился дежурному офицеру в корпусе, каковым в этот день оказался капитан Гурковский, то вместо упомянутой напряженности я почувствовал с его стороны олимпийское спокойствие. Он принял от меня бумаги и приказал явиться в тот¹: фельдфебелю, дежурному пажу и взводному пажу — [Евгению] Пестичу.

Дежурным в этот день оказался паж Амбразанев. Принял он мой рапорт небрежно, причем лицо его выражало нескрываемое презрение, задал он мне несколько полупрезрительных вопросов: зачем я приехал, что это у меня здесь за «штучка», как он назвал штык, что на мне за странный костюм, — и после этого отпустил.

Исполняющий должность фельдфебеля камер-паж Буяльский, красивый и изящнейший молодой человек, с несколько носовою интонацией в голосе, как говорили некоторые чистопородные и особенно важные аристократы, принял меня корректно, но сухо: сразу дал почувствовать ту огромную дистанцию, которая была между ним и каким-то несчастным пажишкой младшего класса.

Надо отдать справедливость: Буяльский умел себя держать с таким апломбом, что нам он казался поважнее любого генерала.

Так же сухо, без всяких шуток, строго официально принял меня мой взводный, паж Пестич, но только в нем не чувствовалась та бездна надменности и величия, которая чувствовалась в Буяльском. Да не представит себе читатель Буяльского типом несимпатичным: описанная манера требовалась его должностью и этикетом, он должен был так себя держать, чтобы иметь надлежащий вес в роте. А в сущности он был прекрасный и добрый юноша: выйдя в Преображенский полк, он не нашел удовлетворения во внешнем блеске жизни гвардейского офицера, рано ушел в запас, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, готовясь сделаться священником и миссионером. Как помнится, он умер молодым.

По окончании явок, сопровождаемый несмелыми улыбочками пажей младшего класса, любопытствовавших, как их новый товарищ из глухой провинции будет выпутываться из своего пикового положения, я был отправлен в резерв (так в корпусе назывался цейхгауз¹), где заботами

¹ Так в оригинале. Видимо, «поочередно».

¹ Цейхгауз (нем. Zeughaus) — военная кладовая для оружия, формы или амуниции.

толстого каптенармуса¹ Ефимова в двадцать минут был одет, раздет и вновь одет и из юнкера превращен в пажа. Придя в роту, я начал знакомиться с моими новыми товарищами и вливаться в их среду. Но не успел я еще познакомиться со всеми, как в конце дортуара^{II} раздались крики «Ура!». Оказалось, что в роте получен приказ о производстве государем своего камер-пажа Буяльского в фельдфебели, вместе с ним приказом по корпусу были произведены в камер-пажи 24 пажа первого производства. Сейчас же при криках «Ура» вновь произведенных начали качать и подбрасывать в воздух. Эту работу производил младший класс, и, конечно, я принял деятельное участие в той работе. По этому поводу старшего класса паж Александровский сейчас же сострил: «Какой дурак этот молодой из пехоты, он очень доволен и сказал, что ему очень нравится, что в корпусе качают, он воображает, что у нас в эти часы круглый год производят и качают!»

Надо заметить, что в старших классах Пажеского корпуса существовал в несколько растворенном виде обычай Николаевского кавалерийского училища — подтягивать^{III}

^I Каптенармус — унтер-офицер, заведующий приемом, хранением и выдачей вещевого и оружейного довольствия.

^{II} Дортуар (*фр.* dortoir) — общая спальня воспитанников в учебных заведениях.

^{III} В данном случае имеется в виду так называемый цук — система неуставных отношений, сложившаяся в корпусах и военных училищах, когда юнкера старших курсов издевались — цукали — над младшими. Считалось, что наиболее такие отношения были развиты в Николаевском кавалерийском училище. Вот как, например, описывал ситуацию князь Владимир Трубецкой:

«Самый свирепый цук царил именно в эскадроне, где юнкера старшего курса обязаны были в силу традиции цукать юнкеров младшего курса. Каждый юнкер старшего курса имел своего так называемого зверя, то есть юнкера-первокурсника, над которым он куражился и измывался, как хотел. Младший не только должен был тянуться перед старшим, оказывая ему чинопочитание, — он обязан был исполнять самые нелепые прихоти и приказания старшего... Бывало, если ночью старшему хотелось в уборную, он будил своего “зверя” и верхом на нем отправлялся за своей естественной нуждой. Это никого не удивляло и считалось вполне нормальным. Если старшему не спалось, он нередко будил младшего и развлекался, заставляя последнего рассказать похабный анекдот, или же говорил ему: “Молодой, пулей назовите имя моей любимой женщины”, или “Молодой, пулей назовите полчок,

«зверей», т[о] е[сть] пажей младшего класса, и добродушно над ними посмеиваться. Говорю — добродушно, ибо в то время старший класс по отношению к нам злых шуток не допускал: не было истязания вроде принятого в кавалерийском училище вращения, складывания белья конусом, лаянья с подоконника на луну, лазанья в голом виде на печку и т. д. Для первого знакомства немного подтрунили, а затем всюду вне корпуса приходилось встречать отличные товарищеские отношения, а в корпусе — строго служебные отношения и недремлющее око, подтягивающее за всякую мелочь: пуговица на перчатке расстегнута — лишнее дневальство. За пребывание в младшем классе я удостоился получить за всякие провинности 34 лишних дневальства: 5 — от офицеров, а 29 — от пажей старшего класса, а один из моих товарищей, коренной паж¹ Эллис, вследствие своей коренной рассеянности умудрился в течение года схватить 74 лишних дневальства!

Хотя ввиду открывшейся вакансии я и был принят в корпус, согласно распоряжения Главного управления, но когда я прибыл и был зачислен, то оказалось, что и места для меня в дортуаре не имеется, и лишней кровати нет, почему мне предложено было зачислиться экстерном, то есть приходящим, и первое время мне пришлось проживать в семье моего дяди М. Н. Герсеванова, бывшего тогда директором Института инженеров путей сообщения, где остановилась и моя мать, привезшая меня

в который я выйду корнетом”. Разбуженный “зверь” обыкновенно отвечал на эти вопросы безошибочно, так как обязан был знать назубок как имена женщин, любимых старшими, так и полки, в которые старшие намеревались поступить. В случае неправильного ответа старший тут же наказывал “зверя”, заставляя его приседать на корточках подряд раз тридцать или сорок, приговаривая: “Ать-два, ать-два, ать-два”. Особенно любили заставлять приседать в сортире у печки. “Молодой, пулей расскажите мне про бессмертие души рябчика”, — командовал старший. И молодой, вытянувшись стрункой, рапортовал: “Душа рябчика становится бессмертной, когда попадает в желудок благородного корнета”» (*Трубецкой В. С. Записки кирасира: Мемуары. М., 1991. С. 80*).

¹ Коренной паж — паж, который не был переведен в два старших класса Пажеского корпуса из других военно-учебных заведений, а отучившийся и в младших классах (курс которых соответствовал курсу кадетского корпуса).

жен был их надлежащим образом подготовить ко времени прибытия в полк молодых солдат, так как заведывание новобранцами в девятой роте было возложено на меня.

В корпусе и в училищах нас учили многому: знали мы и тактику, и фортификацию, и артиллерию, и уставы, и многое другое, но как приняться за серого мужика по его прибытии в полк, мы понятия не имели.

В разных округах практиковались разные системы обучения новобранцев. Например, в Киевском округе, в который я попал по окончании Академии Генерального штаба, все заведывание и обучение новобранцев возлагалось на ротных командиров, так как предполагалось, что молодые офицеры недостаточно опытные и не подготовлены. Получалось, что старый ротный командир иногда двенадцать лет подряд обучал новобранцев. Внимание и энергия его давно притупились, и обучение делалось рутинным и переходило автоматически в руки унтер-офицеров. Новобранцы получались вялые и затурканные. Начальство после смотров часто писало в приказах, что в таком-то полку «офицерской работы не видно». А младшие офицеры в ротах, не имея определенных занятий, слонялись в ротах из угла в угол, курили папироски и больше сидели в канцелярии, плохо знали людей в роте, ими не интересовались и, таким образом, распускались.

В гвардии была система совершенно обратная: по прибытии из училища молодой офицер сразу получал новобранцев, должен был вкладывать в дело их обучения всю свою молодую энергию. Новобранцы к концу обучения получались веселые, не затурканные, бодрые. Недостаток наших знаний и опыта пополнялся постепенно, по мере занятия с учителями. В то время в армии существовало две солдатские «энциклопедии»: «Учебник для рядовых пехоты» (кавалерии, артиллерии), «Учебник для учебных команд». Впоследствии, под влиянием драгомировской проповеди об упрощении обучения¹, эти две прекрасные

книжки постепенно вытеснились из войск скучнейшими и сухими программками, составлявшимися по указаниям генерала [Михаила Ивановича] Драгомирова в штабе Киевского военного округа.

Вот эти две прекрасные энциклопедии и прекрасная одиночная подготовка учителей, из коих большая часть была из окончивших учебную команду, нас выручали. В течение периода первой подготовки учителей выходило, что не мы их учили, а сами у них учились всем тем мелочам и тонкостям, которых мы не знали.

к ней [войне] — развитие чувств, совокупность коих составляет воинский дух; без него, невзирая на совершеннейшее вооружение, армия — подлое стадо, неспособное сопротивляться врагу и более опасное своим, чем чужим». Он считал, что «победа будет, до известной степени, в руках той армии, в которой солдаты проникнуты решимостью добыть ее, хотя бы ценою собственной гибели, ибо тот только может победить, то есть погубить другого, кто сам способен решиться на гибель». В связи с этим при обучении солдат он требовал не усложнять обучение и направить свои силы на «развитие мозговой деятельности». Для этого он выработал следующие принципы подготовки рядового состава:

- сообщать понемногу одну, много — две мысли;
- избегать книжных слов;
- при малейшей возможности прибегать к примеру или, еще лучше, к показу;
- брать из передаваемого не все сплошь, а в порядке важности, применять к солдатскому быту и службе.

¹ М. И. Драгомиров был одним из наиболее ярких военных теоретиков своего времени. Он считал, что решающая роль в воспитании войск должна принадлежать моральному фактору. «Лучшая подготовка

демию, а затем и окончить ее по 1-му разряду, выйти на службу в Киевский военный округ. Так оно впоследствии и случилось: в марте 1893 года, окончив Академию Генерального штаба, я был назначен в штаб Киевского военного округа, в котором и прослужил до декабря 1902 года, но об этом — в следующей тетради моих воспоминаний.

К описываемому же времени относится мое увлечение малороссийскими поэтами и писателями во главе с Шевченко и Котляревским. У меня был хороший голос и мягкое малороссийское произношение, многие любили слушать мое чтение, а я любил читать вслух, поэтому появились люди, которые даже думали, что я украинофил. Конечно, подобных сумасбродных идей у меня быть не могло, а мне нравилась музыка малороссийской речи, влекущая за собою в воображении малороссийские пейзажи, юному воображению представлялись смуглые и загорелые лица наших кареоких красавиц — Орышек, Мелашек, и особенно нравилось, что петербургские бледнолицые, но милые барышни с интересом слушали мое чтение.

По назначении в Киев Драгомировы наняли на Загородном проспекте, в доме № 26, принадлежавшем их старой приятельнице Марии Александровне Лавровой (вдове бывшего командира лейб-гвардейского Финляндского полка), прекрасную квартиру в пять комнат с кухней и людской, обставили ее всем необходимым и предоставили двум старшим сыновьям Владимиру и Абраму. Сюда же приходили из отпуска и младшие, обучавшиеся в корпусе.

Во время наездов в Петербург Драгомировы останавливались в этой квартире, где я продолжал встречаться со своим старым другом Михаилом Ивановичем, о чем речь будет впереди, а пока возвратимся к воспоминаниям о дальнейшей службе в рядах родного полка.

ГЛАВА 9

Второй год в полку Мои вторые новобранцы Второй лагерный сбор Охотничьи команды

По возвращении из отпуска я отправился в собрание с апломбом старого офицера; здесь я тотчас узнал, что желание мое исполнено и что я назначен вновь заведовать новобранцами. В роте я застал, как всегда, полный порядок; мои помощники, учителя молодых солдат, были уже подобраны ротными командирами. Старшим учителем мне был дан взводный 2-го взвода добрейший хохол Василий Симоненко; остальных унтер-офицеров роты (Коротков, Фролов, Яковлев, Федосеев) Рамзай считал слишком строгими и требовательными, а так как он и меня считал слишком строгим, то боялся, как бы я в компании с другим унтер-офицером не замучил бы молодых, и, как бы в противовес мне, дал мне Симоненко.

Только что начались занятия с учителями, как командир полка для поднятия в будущем в полку дела стрельбы, фехтования и гимнастики приказом по полку сформировал особую инструкторскую команду, в которую было назначено по пять учителей от каждой роты и по одному офицеру от батальона. Начальником команды был назначен командир 16-й роты капитан Матов, считавшийся большим знатоком по стрелковому делу, а младшими

офицерами от батальонов — поручики Крузенштерн, Кавтарадзе, подпоручик Обручев, барон Корф и я.

Занимались мы ежедневно в течение двух месяцев в здании околотка по три часа в день.

Занятия в команде дали повод офицерам дать мне прозвище. Солдаты очень часто плохо произносили иностранные фамилии; посылаю я солдатика с каким-то поручением к Обручеву, солдатик является к Обручеву и докладывает: «Ваше высокоблагородие, подпоручик Рябов». — «Кто такой?» — спрашивает Обручев. «Подпоручик Рябов», — отвечает солдат. «Какой Рябов?» — недоумевающе спрашивает Обручев. «А от 3-го батальона, Ваше высокоблагородие». — «Рерберг?» — переспрашивает Обручев. «Так точно, Рябов», — ответил солдатик.

После занятий пришли завтракать в собрание. Обручев рассказал, как солдат переврал мою фамилию. Начались остроты и хохот, особенно изощрались Крузенштерн, Миллер и Скалон и заявили, что, увлекаясь солдатами, я перенял у них много сноровок, почему они предложили называть меня не подпоручиком, а ефрейтором Рябовым. Так с этого дня и пошло за мной прозвище «ефрейтор Рябов». Братья Драгомировы рассказали это дома, а на другой день Абрам мне и говорит, что отец (генерал Драгомиров) приказал мне передать, что прозвище мое надо исправить на наш лад, то есть на хохлацкий, и что отныне он будет меня знать под именем «ефрейтора Рябка»!

Так мы служили, а служа, забавлялись, а забавляясь, любили свою дорогую, родную полковую семью, в которой всякий жест, всякая острота роднила человека с полком.

Молодые срока службы 1890 года начали прибывать, как и раньше, малыми пакетами¹. При обучении молодых я решил обратить особое внимание на одиночную выправку, на отделявание каждого человека отдельно, не торопясь, добиваясь чистоты отделки во всяком пустяке, постоянно вдавливая в головы молодым, что что бы солдат ни делал, он должен делать только великолепно. При этом получалось, что, когда учитель возится с одним,

остальные стоят без дела; чтобы избежать потери времени, а с другой стороны, внести в занятия интерес, развивать у молодых сметку, глазомер, смелость и голос, уже с восьмого дня постановки молодых в строй я заставлял их обучать друг друга всему тому, что они сами уже знали. На занятиях стало весело и шумно. Надо здесь заметить, что никогда человек не постигнет никакую мудрость столь хорошо, как когда ему самому приходится обучать. Результаты получались замечательными. Я никогда молодых за ошибки не ругал, не кричал на них, а только подбадривал, поднимая их дух и уверенность в успехе.

В нашем военном деле вера в начальство, в доблесть своей части и самоуверенность в успехе совершенно необходимы.

Наша 9-я рота помещалась на первом этаже, на втором этаже над нами помещалась 10-я рота. Молодыми там заведовал новичок Ермолинский, и обучение в роте шло «оптовое», что особенно любили фельдфебели и унтер-офицеры. Моя система возни до седьмого пота с каждым новобранцем в отдельности не нравилась ни фельдфебелю, ни учителям, ибо она для них и скучнее, и кропотливее. Строевых занятий без себя я не разрешал, в мое отсутствие учителя должны были лишь повторить с молодыми все мною преподанное и заниматься чисткою, сборкою и разборкою учебных винтовок. В 10-й же роте строевые занятия: фронт, гимнастика, маршировка, бег — производились фельдфебелем и унтер-офицерами, бывшими в соревновании с моими, чуть ли не до поздней ночи, переутомляя, таким образом, молодых сверх сил.

Мои учителя начали волноваться, как бы 10-я рота не затмила наших успехов, и начали просить моего разрешения заниматься с молодыми по вечерам, когда меня нет в роте. Во время этого разговора мои молодые стояли вольно, и я спросил их о том, заметили ли они, что 10-я рота много больше нашего занимается. На их утвердительный ответ я спросил молодых:

— А что, братцы, лучше нашего они будут?

Как сейчас помню, молодой, из крестьян Пензенской губернии, Молоканов смело ответил:

¹ Слово зачеркнуто, сверху неразборчиво подписано слово карандашом.

— Все равно лучше нашего не будут!

К ответу Молоканова присоединились и другие голоса.

— Молодец Молоканов! — похвалил я его. — Коль будете так стараться, как до сих пор старались, никто лучше нашего не будет. Спасибо, молодцы!

И после воодушевленного ответа я их распустил.

После этого эпизода старания и пыл моих молодых удвоились. Нет ничего хуже, как скучные, нудные занятия, толчение изо дня в день одного и того же без всякого прогрессирования, сопровождаемые беспросветными замечаниями и поправками. Подходя к роте или к полку, если вы человек по существу военный, по выражению лиц солдат вы сразу увидите, затуркованная ли перед вами стоит часть или бодрая, веселая.

Дня через три после приведенного эпизода в разгар строевых занятий у парадной двери затрещал духовой звонок, что обозначало прибытие в роту какого-то начальства. Отворилась дверь, и в роту вошел командир полка в сопровождении командира батальона и дежурного по полку. Приняв рапорт и поздоровавшись с молодыми, он обратил внимание на их бодрый и смелый ответ и сразу похвалил:

— Хорошо стоите, братцы!

— Рады стараться, Ваше Превосходительство! — еще громче рывкнули молодые.

— Покажите мне маршировку ваших молодых! — приказал командир.

Я построил свой взвод, отвел его в конец коридора и пустил справа по одному, на девять шагов дистанции редко.

Командир похвалил. Пустил часто — похвалил. Посмотрел ружейные приемы по разделениям — похвалил. Настроение молодых (да и мое) все повышалось. Поблагодарив окончательно роту, учителей и меня, командир удалился наверх, в 10-ю роту. Все мы были в превосходном расположении духа. Я распустил людей оправиться. Некоторые из моих учителей, ревниво относившиеся к 10-й роте, не выдержали и побежали наверх украдкой подсматривать, что там будет делаться.

А случилось что-то совершенно неожиданное для всех нас. Командир полка остался очень недоволен недостаточной выправкой и плохой маршировкой молодых, сделал замечание командиру роты, капитану Бремеру, заведовавшему новобранцами подпоручику Ермолинскому и приказал немедленно привести в 10-ю роту молодых 9-й роты, дабы показать, каких успехов можно достичь в течение прошедшего времени, как надо маршировать и какова должна быть выправка!

В 10-й роте нас опять благодарили. Вера в меня моих молодых, и дядек, и даже самого фельдфебеля окончательно окрепла. Командир роты, которого в это время в роте не было, на следующее утро не находил слов, чтобы выразить свое удовольствие, и с этого дня поручил мне обучение единственного в роте вольноопределяющегося — кандидата прав Санкт-Петербургского университета Александра Воскресенского, которого он мне не давал, поручив его одному из своих любимцев, 3-го взвода ефрейтору Ивану Мухину, педагогические способности которого он, очевидно, ставил выше моих. Я не обижался. Обучение и воспитание кандидата прав малограмотным ефрейтором имело, безусловно, некоторую наивную прелесть.

Впоследствии, по утрам обходя роту и здороваясь с людьми на крайних койках 3-го взвода, я заставал ученика и учителя. С обоих от избытка старания шел пот. Мухин был смуглый, здоровый красавец, из крестьян-землепашцев, прелестная, нетронутая натура, едва умевший читать и не бывший в состоянии окончить учебную команду, он силился разьяснять бледному петербургскому ученому значение различных статей уставов, а кандидат прав силился понять разьяснения простого солдата, речь которого он не сразу понимал.

— Ну, барин, — вопрошал Мухин, — так повторите, что такое знамя.

— Знамя, собственно говоря, есть...

— Ничего не собственно говоря, вы не так сказываете, вот повторите за мной: знамя есть священная воинская хоругвь, под которой соединяются все верные сво-

ему государю и отечеству воины, чтобы идти в бой, не щадя живота своего до...

И кандидат прав, как ребенок, слово в слово повторял за ефрейтором различные параграфы уставов наизусть.

В собрании за завтраком в этот день было весело: товарищи заставили меня угостить их шампанским; разговоры велись о моих новобранцах, о воспитании молодых вообще; Скалон и Миллер острили, говоря, что я скоро выучу моих молодых глотать жженую паклю и грызть рельсы. Я заметил, как мой успех был неприятен командиру 13-й роты, так как он считал, что лучшие в полку молодые — его молодые, и надо сказать правду, что в течение всего времени, что я помню полк, 13-я рота была всегда отличнейшей ротой в полку.

Через несколько дней, во время завтрака, меня потребовал в библиотеку командир полка. Разговор состоялся наедине. Осведомившись о том, как поживают мои новобранцы, он спросил меня, не буду ли я волноваться, если он приведет к нам в роту для осмотра молодых генерала [Михаила Федоровича] Мирковича, а затем, дав надлежащие указания о том, как вести занятия в присутствии генерала Мирковича, прибавил: «Только вашему ротному командиру ничего не говорите, так как он начнет сейчас же волноваться, репетировать и может разволновать молодых, и они представятся гораздо хуже!»

На следующий день, около 10:00, в разгар наших строевых занятий вновь затрещал звонок у парадной лестницы, дежурный по роте сделал стойку, как охотничья собака, чтобы своевременно кинуться на начальство с рапортом и скомандовать «смирно». Отворилась дверь, и в роту вошли помощник начальника Главного штаба генерал-лейтенант Миркович, какой-то неведомый адъютант, командир полка, поручик Ерин и дежурный по полку.

Здесь надо пояснить причину появления в полку генерала Мирковича. Государь император Александр III пожелал обратить свое внимание на надлежащую подготовку государственного ополчения и на организацию ополченских учебных сборов, повелел военному министру, гене-

рал-адъютанту [Петру Семеновичу] Ванновскому, разработать этот вопрос. Военный министр избрал своею целью генерала Мирковича, коему было поручено осмотреть новобранцев в одном из полков пехоты через шесть недель после начала обучения, установить, достаточен ли этот срок для обучения ополченцев, и выработать программу обучения. Все это я узнал только потом, а представляя генералу Мирковичу своих новобранцев, даже не подозревал, какую важную роль сыграю я в организации учебных сборов ополченцев и в выработке программ их обучения. Получив поручение, генерал Миркович поехал к нашему командиру [гвардейского] корпуса, принцу Александру Петровичу Ольденбургскому. Его высочество, питая большие симпатии к нашему полку за наш строй и выучку, указал генералу Мирковичу на наш Семеновский полк, а командир полка, видевший незадолго пред этим моих молодых, решил привести его в 9-ю роту.

Поздоровавшись с моими молодыми, которые не ответили, а грянули в ответ так, что окна задрожали, и пройдя вдоль фронта, генерал Миркович обратился к командиру полка со словами:

— Ну, Александр Ильич, а теперь пройдем к новобранцам!

Генерал Пантелеев, слегка улыбаясь, полупрошепотоком спрашивает меня:

— Ведь это же ваши молодые?

— Так точно! Ваше Превосходительство!

— Это молодые? — переспросил генерал Маркович. — Не может быть. Что вы, господа, шутите: поставили в строй старых солдат и говорите, что это молодые.

Это правда, что весь вид и выражение лиц моих молодых был настолько спокойный, бодрый, самоуверенный, без малейшего признака какой-либо присущей всем новобранцам робости, что генерал Миркович, и особенно после ответа на приветствие, — принял их за старых солдат.

— Я все-таки должен с ними поговорить, — сказал Миркович, и начал задавать им различные вопросы, и по ответам скоро убедился, что перед ним стояли молодые.

Через три дня с этим же поездом я ехал на юг, в Харьковскую губернию, в имение моей матушки Никополь, куда был уволен на 4 месяца для подготовки к вступительным экзаменам в Николаевскую академию Генерального штаба! Таким образом закончилась моя фактическая служба в рядах дорогого и незабвенного лейб-гвардейского Семеновского полка!

ГЛАВА 13

Академия Генерального штаба. Воспоминание о генерале Дрентельне. Поступление в академию. Начальник академии генерал Леер и последующие начальники академии. Состав профессоров. Дополнительный курс. Окончание академии

В те времена Николаевская академия Генерального штаба представлялась нам, молодым офицерам, недостижимым святилищем военных наук и внушала нам чувства священного трепета. Даже самый вид здания, выходявшего своим простым, но строгим фасадом на набережную реки Невы¹, с колоннами и портиком александровского времени внушал невольное уважение.

Строг был стиль фасада, серьезно выглядывал темно-серый цвет здания без всяких украшений, но не менее строгими были и порядки, царившие внутри этого храма науки, порядки, царившие там около полувека и ревниво поддерживавшиеся при начальниках академии, генералах [Михаиле] Драгомирове и Леере. Строг был и подбор профессоров. Строгое было отношение к слушателям, и поступить в академию, и окончить ее было не так легко: ежегодно на конкурсные экзамены приезжало от 200 до 250

¹ Николаевская академия Генерального штаба первоначально помещалась в доме бывшей Иностранной коллегии по адресу: Английская набережная, 32, именно этот дом имеет в виду автор. В 1901 г. академия переехала в специально для нее построенное здание по адресу: Суворовский проспект, 32 (архитектор А. И. фон Гоген, инженер А. А. Веденяпин).

офицеров, из коих принималось 70, а оканчивало академию по 1-му разряду человек 30–35.

Что побудило меня поступить в академию? На этот вопрос был обычай отвечать: желание продолжить свое военное образование, дабы возможно больше приносить пользы государству, и т. д. По правде говоря, большинство шло в академию ради чувства карьеризма. У молодого офицера это чувство не могло еще пробудиться, и я пошел в академию, дабы доставить удовольствие отцу моему, который постоянно напоминал мне о необходимости поступить в академию, а затем из чувства стыда, нежелания отставать от товарищей; немалую роль в моем решении сыграли, конечно, и слова генерала Драгомирова, сказанные мне на вечере 23 января, после чего я ближе сошелся с его сыновьями и не хотел от них отставать.

15 июля, в день Святого Владимира, во время парада, скончался от паралича сердца верхом на лошади один из известных у нас своими высокими рыцарскими качествами людей — командующий войсками Киевского военного округа генерал-адъютант Александр Романович Дрентельн. По случаю этой смерти государем Александром III было оказано горячее участие вдове Дрентельна Марии Александровне¹, а его сын был принят в Преображенский полк и впоследствии был удостоен звания флигель-адъютанта его величества¹¹. На место умершего Дрентельна в Киев был назначен начальник Академии Генерального штаба генерал-адъютант Михаил Иванович Драгомиров. Оба эти генерала в умственном и нрав-

ственном отношении могут признаваться своего рода колоссами, на три головы возвышавшимися над многими остальными генералами!

Первый из них был известен как человек высокого благородства, кристаллической честности и большой силы духа и сознания долга; второй, сверхогромной силы духа и самостоятельности ума, был известен как герой Дуная и Шипки, европейски известный военный ученый и писатель!

Но оба эти назначения делали честь высокому беспристрастия нашим светлым рыцарям, нашим государям: Александру II и Александру III!

Генерал Дрентельн, будучи начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии, не постеснялся сделать замечание командиру лейб-гвардейского Преображенского полка — наследнику цесаревичу Александру Александровичу. На самом плацу, в присутствии всех остальных командиров частей!

Когда в виде немого протеста наследник цесаревич устроил у себя в полку званый обед, на который пригласил всех своих сослуживцев по дивизии, за исключением начальника дивизии, генерал Дрентельн не постеснялся на первом же дивизионном учении, подав сигнал «Вызов начальников», в присутствии всех собравшихся объявить вновь выговор самому наследнику престола.

— Ваше Императорское Высочество, — выговаривал старик Дрентельн, когда все генералы держали руку под козырек, — вы, как наследник русского престола, можете делать обеды, какие вам угодно, приглашать на них кого вам угодно и генерала Дрентельна к себе даже на порог не пускать. Но, устраивая обед как командир лейб-гвардейского Преображенского полка и приглашая на него всех чинов дивизии, вы не имели права выказывать пренебрежение к начальнику дивизии, за что я вынужден объявить Вашему Высочеству замечание. Прошу всех начальников на свои места!

У всех присутствовавших при этой необыкновенной сцене даже дух захватило. Многие в Красном Селе и в Петербурге были убеждены, что Дрентельн будет выгнан

¹ Император Александр III в день кончины генерала прислал его супруге телеграмму: «С великим прискорбием узнал я о внезапной смерти Александра Романовича, которого горячо любил и уважал. Потеря для вас и для нас незаменима, лишившая меня одного из самых честнейших и благороднейших слуг Отечества. Да поможет вам Господь перенести эту страшную потерю с христианским смирением и утешением».

¹¹ Имеется в виду Александр Александрович Дрентельн (19.1.1868–14.5.1925), генерал-майор свиты е. и. в. (28.11.1915). Он не имел военного образования и окончил Петербургский университет, а в 1890 г. зачислен вольноопределяющимся в лейб-гвардии Преображенский полк. С 28.11.1915 командир лейб-гвардии Преображенского полка. 27.4.1917 вышел в отставку. После Октябрьского переворота остался в Советской России.

- Шлейснер Рихард Альфредович, генерал-майор — 307
 Шлиттер Николай Павлович, офицер лейб-гвардии Преображенского полка — 74, 78, 83–84, 101, 105, 210
 Шмидт Станислав Яковлевич (1851–1916), генерал-майор — 71
 Шредер Август Юльевич, офицер лейб-гвардии Семеновского полка — 142
 Шрейдер Анна Васильевна, бонна Ф. П. Рерберга — 44–45, 58–59, 187–188
 Штоф (по мужу Зибольт) Ольга Александровна (1848–?), врач-акушер — 304
 Штубендорф Отто Эдуардович фон (1837–1905), генерал от инфантерии — 300
 Шувалов, служитель Пажеского корпуса — 129
 Шульман Рудольф Рудольфович (1850–?), полковник — 141, 147, 181
- Щегловитов Павел Александрович, полковник — 87, 89**
Щедрин Константин, кадет Тифлисского кадетского корпуса — 74
Щербачева Александра Алексеевна, родственница автора — 87
Щербов-Нефедович Павел Осипович (1847–1918), генерал от инфантерии — 300, 305
- Эггер Артур Константинович фон, офицер лейб-гвардии Семеновского полка — 142
 Эйлер Павел Николаевич (1867–?), полковник — 293
 Эллис Александр Александрович (1866–1937), полковник — 93, 105, 292
 Эльснер Евгений Феликсович (1867–1930), генерал-лейтенант — 67, 74, 78, 80
 Эмар Гюстав, настоящее имя Оливье Глу (1818–1883), французский писатель — 78
 Эммануэль Василий Александрович (1866–?), офицер лейб-гвардии Семеновского полка — 104, 119, 136, 147, 292, 304
 Эристов Александр Евстафьевич, князь — 134
 Эттер фон Николай Севастьянович (1865–1935), действительный статский советник — 105, 141, 147
- Юденич Николай Николаевич (1862–1933), генерал от инфантерии — 119**
Юлий Цезарь (100–44 до н. э.), римский диктатор — 301
- Яковлев, унтер-офицер 9-й роты лейб-гвардии Семеновского полка — 215**
Яновский Николай, кадет Тифлисского кадетского корпуса — 74
Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), генерал от инфантерии — 119, 297–298
Ячишин Семен, денщик А. К. Урсина — 139

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Константин Залесский. Российская империя глазами генерала Рерберга</i>	5
Всё в прошлом. Воспоминания. 1868–1910	
Предисловие	34
<i>Глава 1. Происхождение и детство автора</i>	39
<i>Глава 2. Тифлисская военная гимназия и Тифлисская кадетская школа</i>	62
<i>Глава 3. 1-е Павловское училище и Пажеский Его Величества корпус</i> ..	86
<i>Глава 4. Лейб-гвардии Семеновский полк</i>	133
<i>Глава 5. Служба царская</i>	150
<i>Глава 6. Первый полковой праздник</i>	166
<i>Глава 7. Первый инспекторский смотр. Первые новобранцы. Первый лагерный сбор</i>	194
<i>Глава 8. Мое необыкновенное знакомство с генерал-адъютантом Михаилом Ивановичем Драгомировым и его семьей</i>	206
<i>Глава 9. Второй год в полку. Мои вторые новобранцы. Второй лагерный сбор. Охотничьи команды</i>	215
<i>Глава 10. Объединение семеновской молодежи. Значение случаев с Урсиним, Подымовым, Ермолинским. Смерть Лоде. Образование охотничьих команд. Большие маневры. Великий князь Николай Николаевич (старший)</i>	233
<i>Глава 11. Охрана пути высочайшего следования. Назначение в учебную команду. Риман и Сталь. Грамотность. Команда в карауле</i>	250
<i>Глава 12. Михаил Иванович Драгомиров. Драгомиров и Риман. Брюшной тиф. Маневры охотничьих команд</i>	267
<i>Глава 13. Академия Генерального штаба. Воспоминание о генерале Дрентельне. Поступление в академию. Начальник академии генерал Леер и последующие начальники академии. Состав профессоров. Дополнительный курс. Окончание академии</i>	285
<i>Глава 14. Заключение. Отношение семеновца к царю и слуге. Возвращение из Маньчжурии. Усмирение Москвы. Мин и Риман. Расстрелы революционеров и клевета в газетах. Полковой праздник лейб-гвардейского Семеновского полка в 1910 году</i> ...	313
Именной указатель	327